

Научная статья
УДК 903.5(571.1):930.24
doi: 10.17223/15617793/510/11

Погребение № 18 могильника Фирсово-ХІ в кругу «сидячих скорченных» погребений раннего и среднего голоцена центральных регионов Северной Евразии*

Кирилл Юрьевич Кирюшин¹, Юрий Федорович Кирюшин², Константин Николаевич Солодовников³,
Ярослав Владимирович Фролов⁴, Александр Викторович Шмидт⁵

^{1, 2, 4} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

³ Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Тюмень, Россия

⁵ Музей природы и человека, Ханты-Мансийск, Россия

¹ kirill-kirushin@mail.ru

² kirill-kirushin@mail.ru

³ solodk@list.ru

⁴ frolov_jar@mail.ru

⁵ tison172@mail.ru

Аннотация. В Барнаульском Приобье исследовано погребение в сидячем скорченном положении с микролитической пластиной, его AMS-дата соответствует позднему мезолиту – раннему неолиту. Антропологический тип погребенного – промежуточный европеоидно-монголоидный, характерный для древнейшего населения центральных регионов Северной Евразии, но размеры черепа выделяют его среди краниологических материалов неолита Алтая. Констатируется, что в Западной Сибири и в сопредельных регионах захоронения в положении «сидя скорчено» редки и зачастую безынвентарные, и существует необходимость датирования таких погребений.

Ключевые слова: финальный мезолит, ранний неолит, грунтовый могильник, погребение сидя скорчено

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 24-28-01030 «Погребальные комплексы неолита-энеолита Барнаульского Приобья в кругу синхронных памятников Южной Сибири и сопредельных территорий».

Для цитирования: Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н., Фролов Я.В., Шмидт А.В. Погребение № 18 могильника Фирсово-ХІ в кругу «сидячих скорченных» погребений раннего и среднего голоцена центральных регионов Северной Евразии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 109–117. doi: 10.17223/15617793/510/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/11

Burial No. 18 of the Firsovo-XI burial ground in the circle of "sit-down crouched" burials of the early Holocene of the central regions of Northern Eurasia

Kirill Yu. Kiryushin¹, Yuriy F. Kiryushin², Konstantin N. Solodovnikov³,
Yaroslav V. Frolov⁴, Aleksandr V. Schmidt⁵

^{1, 2, 4} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

³ Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation

⁵ Museum of Nature and Man, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

¹ kirill-kirushin@mail.ru

² kirill-kirushin@mail.ru

³ solodk@list.ru

⁴ frolov_jar@mail.ru

⁵ tison172@mail.ru

Abstract. The Firsovo-XI ground burial ground is located on the right bank of the Ob River opposite the city of Barnaul on the low bedrock bank of the Ob River. In 1993 and 1996, a burial of a mature man in a sitting crouched position was examined at the Firsovo-XI burial ground in the Barnaul Ob region. The accompanying inventory is represented by one microlithic plate. For this burial No. 18, the AMS date GV-02889 was obtained – 9106±80 years BCE. According to the craniometric parameters, the anthropological appearance of the buried man corresponds to the intermediate Cauca-

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

soid-Mongoloid type, which characterizes the most ancient population of the central regions of Northern Eurasia. However, very large total dimensions of the skull distinguish it from the craniological materials of the Neolithic of this burial ground and of the plain-foothill Altai in general. The combination of chronological, ritual and anthropological specifics of the burial makes it necessary to compare it with materials not only from the south of Western Siberia, but also from more extensive regions of the central regions of Northern Eurasia. The analysis of published data allows us to establish that burials in the "sitting crouched" position are quite rare in Western Siberia and adjacent regions. They are often represented by burials without inventory. Most often, analogies comparable in terms of the features of the burial rite are recorded in the forest-steppe Ural-Volga region; however, the range of analogies is not limited to this region. There is an unconditional need for AMS dating of such burials. In the south of Western Siberia and adjacent territories, burials in the "sitting crouched" position are quite rare and are often represented by burials without inventory. Obtaining AMS dates for sites excavated in the 20th century led to a revision of previously made conclusions about the chronology, periodization and cultural affiliation of some "sitting" burials. An illustrative example is burial No. 2 of mound 4 of the Labazovsky burial mound. The burial of a woman over 45 years old, buried in a sitting position, was discovered in the buried soil under a mound of the Srubnaya culture, and was also attributed to this culture. The description and drawing of the burial allow us to conclude that this is a burial in the "sitting crouched" position. AMS dates performed in different laboratories showed that this burial dates back to the end of the 7th - beginning of the 6th millennium BCE. The burial from the barrow cemetery Malo-Kizilsky II (barrow 2/2) in the Southern Urals, in which four skeletons were found, abundantly sprinkled with ochre, in a sitting position in an antithetical orientation to each other in the NE-SW direction, also belongs to the Neolithic with a high degree of probability. The markers of the early age of "sitting crouched" burials are the stratigraphic conditions (burials in a layer of buried soil) and the presence of traces of ochre in the burial. There is a need for a thorough revision and AMS dating of burials without inventory in the "sitting" position in the territory of the south of Western Siberia and adjacent regions.

Keywords: final Mesolithic, early Neolithic, ground burial ground, sitting crouched burial

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01030: Burial Complexes of the Neolithic-Eneolithic of the Barnaul Ob Region in the Circle of Synchronous Monuments of Southern Siberia and Adjacent Territories.

For citation: Kiryushin, K.Yu., Kiryushin, Yu.F., Solodovnikov, K.N., Frolov, Ya.V. & Schmidt, A.V. (2025) Burial No. 18 of the Firsovo-XI burial ground in the circle of "sit-down crouched" burials of the early Holocene of the central regions of Northern Eurasia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 109–117. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/11

Введение

В 80–90-е гг. XX в. и в начале XXI в. на сравнительно небольшой территории Барнаульского Приобья выявлен и изучен ряд могильников и одиночных погребений, материалы которых представляют различные аспекты материальной и духовной культуры населения Барнаульского Приобья на продолжительном хронологическом отрезке от мезолита – раннего неолита (середина – вторая половина IX – начало VII тыс. до н.э.) и до энеолита (рубеж IV–III – первая половина III тыс. до н.э.) [1. С. 26–27; 2. С. 27–30]. Погребения значительно различаются по погребальному обряду:

- положение вытянуто на спине [2. С. 26–27];
- положение вытянуто на спине с отклоненной от тела головой и положенной на грудь умершего [3. С. 221];
- погребение на боку в скорченном положении [2. С. 27];
- захоронение в положении «стоя» (вертикальное) [4. С. 49];
- захоронение в положении «сидя» (сидячее) [2. С. 27];
- вторичные погребения [2. С. 24–25].

В значительной степени уникален и набор археологических артефактов в составе сопроводительного инвентаря погребений:

- изделия и заготовки орудий из камня и кости животных [5. С. 22–25];
- украшения из зубов хищных и травоядных животных [5. С. 22–25];

– украшения из раковин пресноводных [4. С. 51–54] и морских моллюсков [6. С. 37–44; 7. С. 11];

– украшения из кости или рога животных или птиц [4. С. 50–51];

– кости и фрагменты костей животных и птиц [5. С. 22–23].

Можно уверенно констатировать, что подобная концентрация погребальных комплексов, а также их разнообразие являются уникальным явлением не только для территории Южной Сибири, но и Северной Евразии в целом.

Среди ранних погребений Барнаульского Приобья могила № 18 грунтового могильника Фирсово-ХІ самая ранняя и единственная, где человек похоронен в положении сидя скорчено. Данная публикация посвящена введению в научный оборот материалов этого погребения полным объемом.

Анализ археологических и антропологических материалов

Грунтовой могильник Фирсово-ХІ находится напротив г. Барнаул на правом коренном берегу Оби (рис. 1, 1). В 1993 и 1996 гг. на могильнике исследовано пять одиночных могил, два парных и одно коллективное захоронение (рис. 1, 2), которые были отнесены к большемысской энеолитической культуре [1. С. 27].

По четырем погребениям получено пять AMS-дат, на основании которых был сделан вывод, что погребения, составляющие культурное «ядро» ГМ Фирсово-ХІ (мог. № 14, 15 и 42), относятся к неолиту. Их радиоуглеродный

возраст соответствует середине V тыс. до н.э., а календарный возраст укладывается в интервал 5710–5460 до н.э. (по 1σ) и 5740–5360 (по 2σ) [2. С. 26–30]. Для могилы № 18 ГМ Фирсово-ХІ получена AMS-дата GV-02889 – 9106 ± 80 л.н. Это позволило сделать вывод, что погребение относится к финальному мезолиту или раннему неолиту [2. С. 26–30].

Могила № 18, занимающая крайнее юго-восточное положение во втором ряду, выделяется среди погребений неолита юга Западной Сибири позой погребенного (рис. 1, 2). Контуры могильной ямы зафиксировать не удалось. Форма и размеры могильной ямы реконструированы на основании положения костей скелета (на рис. 1, 3 контуры могильной ямы даны пунктирной линией). Погребенный мужчина 35–45 лет был размещен в могиле в сидячем скорченном положении (рис. 2, 1). Череп мужчины находился на глубине 0,5 м от современной поверхности, дно погребения зафиксировано на уровне – 1,0 м. Умерший спиной обращен на север. Ноги согнуты в коленях и завалены в левую сторону. Голова лежала затылочной костью вверх, обнажив отверстие в основании черепа. Руки согнуты в локтях. Левое предплечье расположилось на животе. Правое кистью по направлению к стопам. Погребение обильно посыпано охрой.

Возле левой руки усопшего (рис. 1, 3а) обнаружен медиальный фрагмент мелкой пластины (ширина – 4,5–5 мм, длина – 11 мм). Визуально следы красителя на поверхности пластины не фиксировались (рис. 2, 2а, 2б). Микроскопическим исследованием тем не менее зафиксированы на дорсальной и на вентральной стороне многочисленные следы охры (рис. 2, 2 – в–з). Анализ и фотофиксация следов охры на поверхности артефакта осуществлялись с использованием стереоскопического микроскопа и камеры Carl Zeiss (×8–×56).

Нельзя однозначно утверждать, что обнаруженный возле левой руки усопшего (рис. 1, 3а) медиальный фрагмент мелкой пластины помещен в погребение преднамеренно. Существует вероятность, что данный артефакт мог попасть в могилу непреднамеренно вместе с грунтом. Следы красителя на поверхности пластины (рис. 2, 2) судя по всему сформировались в процессе археологизации погребения. На это указывает локализация красителя в микроуглублениях поверхности пластины (рис. 2, 2в–2з). В случае использования пластины как резца или скобеля, следы охры в первую очередь должны были остаться на выступающих частях, которые активно вступали в контакт с обрабатываемым материалом.

Хронологическая и обрядовая специфика погребения № 18 подчеркивается также антропологическими отличиями захороненного от остальных погребенных на могильнике [2. С. 30–31]. Череп мужчины зрелого возраста с нижней челюстью склеен из многих обломков. После реставрации, включавшей в себя замещение недостающих фрагментов, тем не менее, отсутствуют носовые кости, а также нет некоторых других частей эндокрана и экзокрана, но в целом череп пригоден для краниометрического исследования [8. Рис. 5].

Мозговая коробка мужчины с крайне большим продольным диаметром, очень широкая, долихокранная, эллипсоидной формы при взгляде сверху. Череп округлых очертаний также в окципитальной и латеральной

нормах, с несколько уплощенным теменем в районе брегмы, элементы наружного рельефа развиты очень сильно. Высота черепа большая от базиса, и очень большая от порионов, однако по отношению к основным горизонтальным диаметрам она малая. Основание черепа очень длинное и очень широкое. Лобная кость очень широкая на обоих уровнях, средненаклонная, сильно профилированная в горизонтальной плоскости, средней длины. Наименьшая ширина лба характеризуется не только очень большим абсолютным размером, она большая и относительно поперечного диаметра черепа и наибольшей ширины лба. Лобная хорда большая, значения абсолютной и относительной высоты лба над ней находятся в пределах средних категорий размеров. Теменной участок сагиттальной дуги протяженный, в том числе и по отношению к затылочному. Затылок широкий, средневыступающий и со средним углом перегиба. Лицевой отдел очень широкий, особенно на уровне скуловых дуг и лобно-скулового шва. Значение верхней ширины лица существенно превышает мировой максимум средних, и, в отличие от других мужских черепов Фирсово-ХІ бигонимальный диаметр не превышает верхнюю ширину лица. В то же время ширина альвеолярной дуги и ширина неба средние, что вместе с малой угловой шириной нижней челюсти определяет треугольный, суживающийся книзу контур лица. Высота лица средняя (как верхняя, так и общая), относительно скуловой ширины лицевой отдел низкий. Орбиты замкнутые, прямоугольной формы, очень широкие от максилло-фронтальной точки и от дакриона. Высота орбит малая, при этом правая орбита несколько выше левой, вероятно по причине прижизненного сросшегося перелома костей ее нижнего края, а по указателям орбиты гиперхам-эконхные. Носовой отдел низкий, и, по-видимому, очень узкий, резко лепторинный, нижний его край в форме предносовых ямок, клыковая ямка неглубокая. Горизонтальная профилировка лица гетеропрозонная – на верхнем уровне профилировка очень резкая, а на зиго-максиллярном лице уплощенное. В вертикальном плане лицо ортогнатное по общему углу профиля, и мезогнатное в альвеолярном отделе и по указателю выступания. Нижняя челюсть очень длинная и от мыщелков, и от углов, ветви ее средненаклонные, широкие и средневысокие. Ширина нижней челюсти очень большая на уровне мыщелков, и умеренная в углах. Подбородок среднеширокий и средневыступающий. Симфиз и тело нижней челюсти высокие, толщина тела средняя [8. Табл. 1].

В целом большие размеры и общая массивность черепа подчеркиваются тем, что значения некоторых признаков (№ 1, 5, 24, 43, 43(1) по Мартину) превосходят мировой среднегрупповой максимум или близки к нему. Данный череп выделяется на внутригрупповом фоне серии из Фирсово-ХІ очень крупными размерами мозгового и лицевого отделов и статистически. Это выявляется с помощью внутригруппового анализа главных компонент, первая из которых является фактически «фактором размера» [8. С. 65–66], и отделяет череп из могилы № 18 от всех остальных из данного неолитического могильника [8. Рис. 6].

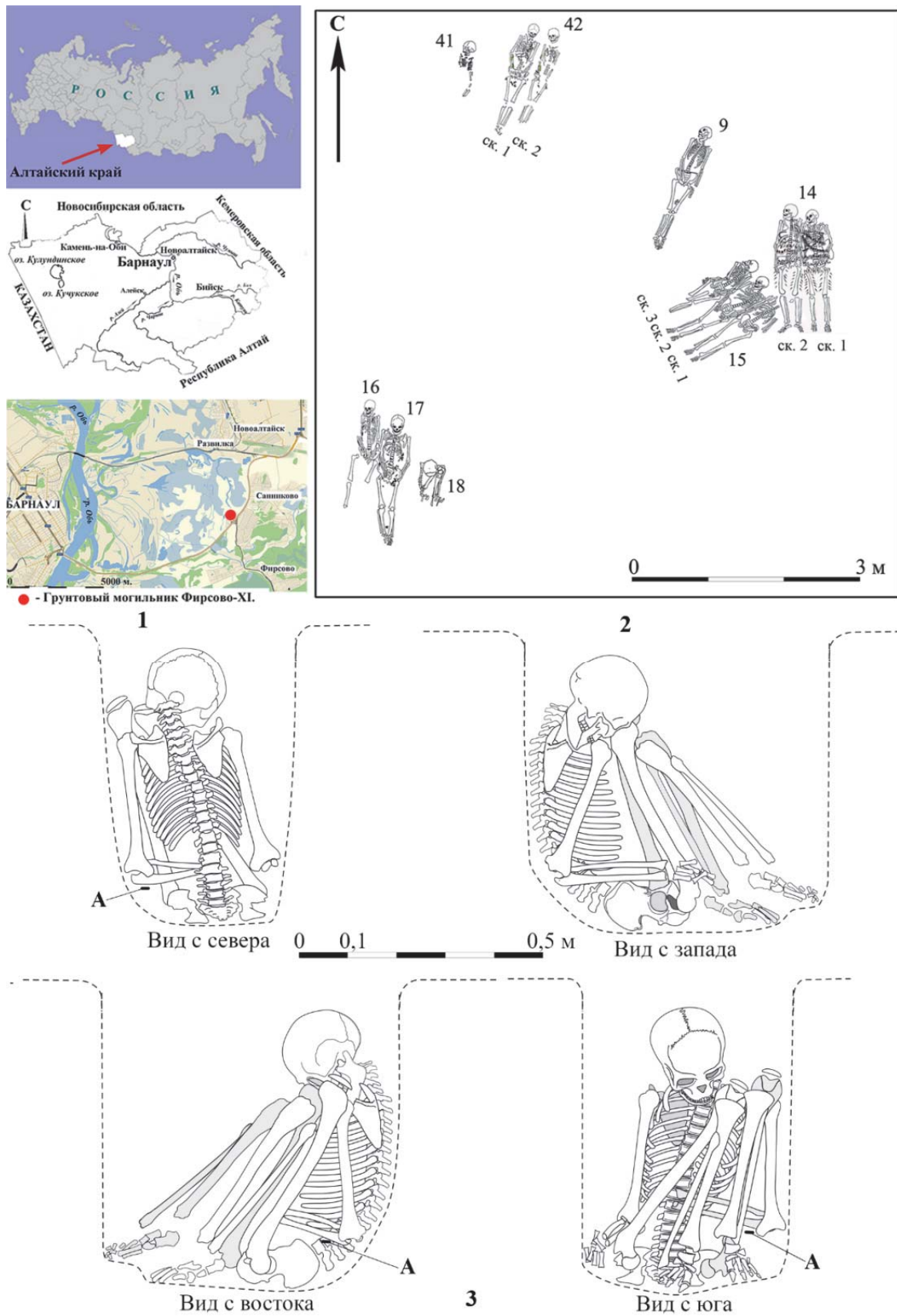

Рис. 1. 1 – карта-схема расположения грунтового могильника Фирсово-XI;
 2 – план-схема погребений финального мезолита – раннего неолита грунтового могильника Фирсово-XI;
 3 – план погребения № 18 финального мезолита – раннего неолита грунтового могильника Фирсово-XI;
 3a – пластина со следами охры

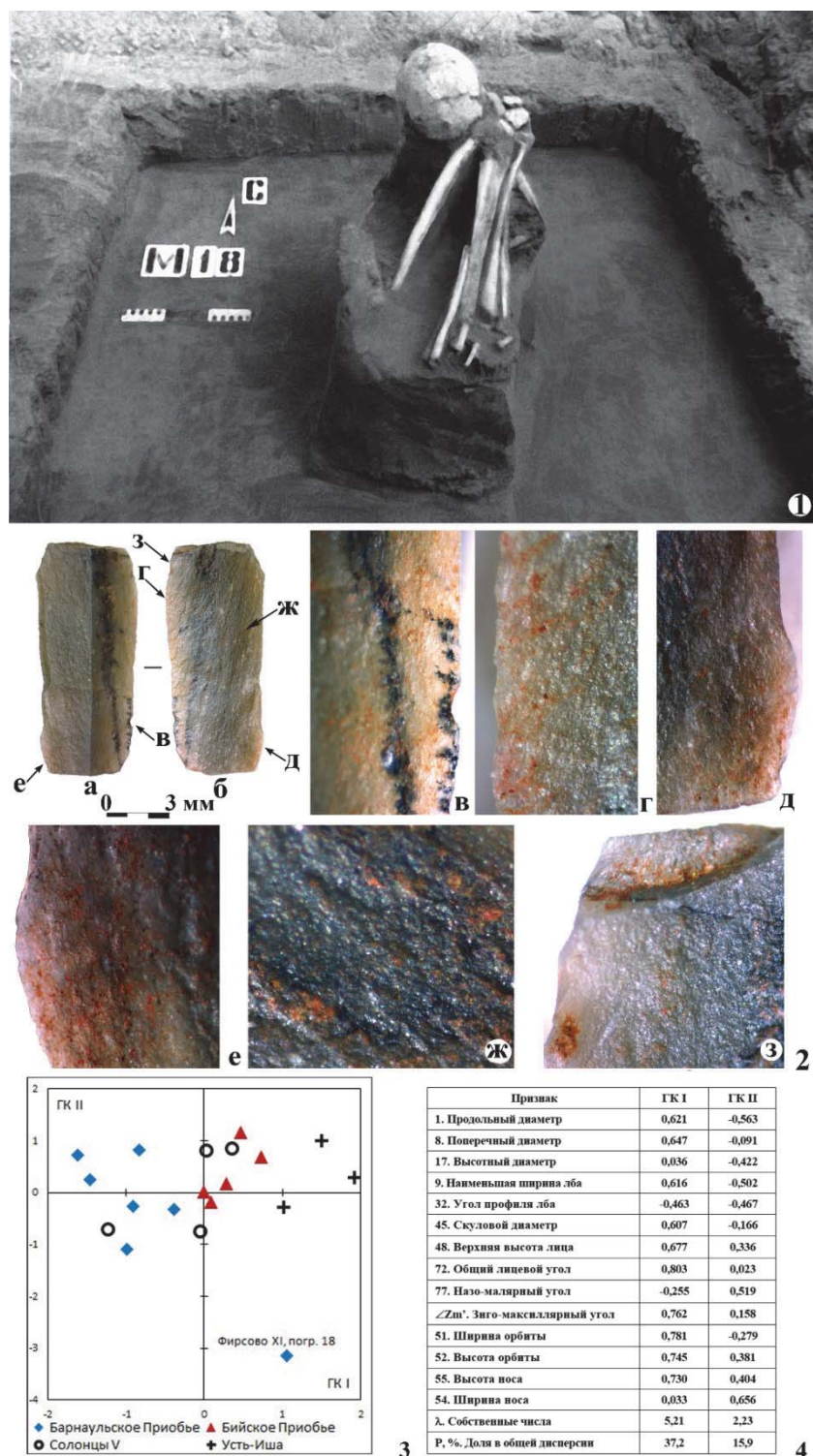

Рис. 2. 1 – фото погребения №18 финального мезолита – раннего неолита грунтового могильника Фирсово-ХІ (вид с юга); 2 – грунтовой могильник Фирсово-ХІ, погребение № 18. Микропластина: 2а – дорсальная сторона; 2б – вентральная сторона; 2в–2з – фрагменты микропластины со следами охры; 3 – положение черепов мужчин из могильников эпохи камня равнинно-предгорного Алтая в пространстве двух первых главных компонент (ГК I–II); 4 – факторные нагрузки на I и II главные компоненты (ГК) мужских черепов из могильников эпохи камня равнинно-предгорного Алтая

Для выявления места индивида, погребенного в могиле № 18 Фирсово-ХІ, в популяционно-антропологической структуре населения каменного века Алтая проведен дополнительный анализ главных компонент мужских краниологических материалов. Помимо чере-

пов из этого могильника в него включены краниометрические данные черепов из неолитических некрополей Усть-Иша, Иткуль (Большой Мыс) [9], Солонцы V [10], Костенкова Избушка и Чумыш-Пережат I [11]; неопубликованные измерения К.Н. Солодовникова].

Анализ (программа STATISTYCA 10) проведен по комплексу наиболее важных расодиагностирующих признаков, включая углы вертикальной профилировки лба и лицевого отдела, и за исключением отсутствующих на черепе из могилы № 18 размеров переноса и угла выступания носа [8. Табл. 1]. В анализ включены измерения черепов мужчин, у которых из 14 используемых признаков могут отсутствовать не более трех, заменяемых на средние для анализируемой совокупности значения. Наибольшие нагрузки по первой главной компоненте образуют комплекс признаков, в общем соответствующий «фактору размера». Однако большие положительные нагрузки, помимо общих размеров мозгового и лицевого отделов, приходится также на углы общего профиля лица и зиго-максиллярный, отрицательные – на угол профиля лба, и отсутствие значимых – на высоту черепа и ширину носа. Более крупные горизонтальные размеры мозговой коробки (но не ее высота) и общие параметры более крупного ортогнатного лица вместе с более наклонным лбом, и противоположное сочетание признаков и ранее выделялись антропологами в качестве краниологического комплекса, дифференцирующего население, соответственно, предгорных и равнинных районов бассейна Верхней Оби [11, 12]. Об этом свидетельствует и распределение черепов неолита Алтая по первой главной компоненте в соответствии с локализацией могильников с севера на юг. Наименьшие нагрузки по ней в масштабе анализируемых различий у краниологических материалов из Барнаульского Приобья (Фирсово-ХІ, Чумыш-Перекат-І), наибольшие – из Усть-Иши в северных предгорьях Алтая, и промежуточное положение занимают черепа из Бийского Приобья (могильники Большой Мыс и Костенкова Избушка на оз. Иткуль) и из Солонцов-V. На данном морфологическом фоне череп мужчины из могилы № 18 Фирсово-ХІ резко отличается от всех неолитических по второй главной компоненте, которую формируют некоторые размерные признаки мозгового и лицевого отделов. Таким образом, краниологические характеристики, в частности очень большие тотальные размеры анализируемого черепа, отличают его от всех краниологических материалов как могильника Фирсово-ХІ, так и в целом неолита равнинно-предгорного Алтая.

Обсуждение результатов исследования

Таким образом, могила № 18 Фирсово-ХІ выделяется уникальным для данной территории погребальным обрядом и древнейшей для региона радиоуглеродной датой.

В антропологическом облике погребенного в могиле № 18 по имеющимся краниометрическим данным проявляются общие морфологические особенности группы, захороненной на этом могильнике в неолитическое время. Они затрагивают прежде всего признаки, образующие морфологический комплекс на уровне рас первого порядка, соответствующий промежуточному европеоидно-монголоидному типу, который характеризует древнейшее население центральных регионов Северной Евразии [8, 13]. Однако на внутригрупповом

фоне алтайских материалов данный череп выделяется на статистическом уровне очень крупными тотальными размерами мозгового и лицевого отделов, что морфологически отделяет череп из могилы № 18 от всех остальных не только из данного могильника, но и из неолитических некрополей равнинно-предгорного Алтая в целом.

В отечественной литературе уже предпринимались попытки рассмотреть погребения в сидячем положении на широких просторах Евразии от Франции до Забайкалья на продолжительном хронологическом интервале от палеолита до поздней бронзы [14. С. 32–36]. С момента выхода в свет работы М.Д. Хлобыстиной прошло более 30 лет. За это время были исследованы новые погребальные комплексы, в которых умершие погребены в положении «сидя» или «полусидя» [15, 16]. Если в публикациях середины XX в. информация о «сидячих» погребениях была представлена в очень краткой, тезисной форме [17], то в XXI в. появились работы, в которых имеющийся материал дан в полном объеме [18], что позволяет уточнить положение скелета в погребении.

Погребения в вертикальном сидячем или полулежащем/полусидячем положении, зафиксированы в 56 памятниках стран Западной Европы в интервале от 12700 до 6000 кал. л. до н.э. В категорию «сидячих» погребений попадают с согнутыми ногами и прямой спиной [19. С. 209; 20. Р. 291]; захоронения в положении «лотоса» [21. Р. 51–52]; сидя на коленях [22. Р. 469–479]. Анализ опубликованных погребений позволяет сделать вывод, что в погребениях стран зарубежной Европы указанного хронологического интервала отсутствуют погребения в положении сидя скорчено.

Исследована небольшая серия погребений в «сидячем положении» [23. С. 41], «сидя» [23. С. 46], «в полусидячем положении» [23. С. 51], а также с прямой спиной и вытянутыми ногами на некрополях энеолита Поволжья [15. С. 317–321].

Так, три интересующих нас погребения обнаружены на Хвалынском энеолитическом могильнике: «костяк № 98» [23. С. 41], «костяк № 114» [23. С. 46] и «костяк № 133» [23. С. 51]. В двух случаях анатомический порядок костей в погребениях нарушен: «костяк № 98» [23. С. 41] и «костяк № 114» [23. С. 46]. Поэтому при характеристике положения скелетов в этих погребениях используются не утвердительные формы, а возможные и предположительные. «Создается впечатление, что умерший был захоронен в сидячем положении» (костяк № 98) [23. С. 41]. «Первоначально мужчина 30–40 лет, видимо, был похоронен в положении “сидя”» (костяк № 114) [23. С. 46]. «Костяк № 133», судя по описанию «подросток 10–13 лет был захоронен в полусидячем положении, головой на ССВ» [23. С. 51], в целом сохранил изначальное положение в могиле.

Одно из погребений Хвалынского энеолитического могильника (костяк № 114), в котором мужчина 30–40 лет захоронен в положении «сидя», не содержит инвентаря и следов охры [23. С. 46]. Костяк мужчины 45–55 лет окрашен охрой, у запястья правой руки обнаружена пластина из речной раковины [23. С. 41]. Костяк

подростка № 133 полностью окрашен охрой, правая ключица и несколько рёбер окрашены окислами меди, но медных изделий при скелете не обнаружено, зато в области груди, таза, под черепом и грудной клеткой обнаружены бусы из речных раковин [23. С. 51].

Как отмечают исследователи, сидячие погребения относятся к характерным признакам раннеэнеолитических (китойских) комплексов Забайкалья (8–6 тыс. до н.э.) [24. С. 139]. Для среднего неолита Забайкалья и Северной Монголии они единичны [24. С. 131–134, 139], в Восточной Монголии встречаются в позднем неолите, преобладая в бронзовом веке [24. С. 139–140]. Подобные погребения исследованы на побережье Байкала, в Прибайкалье, на Верхней Лене и в Приольхонье [24. С. 140].

Погребения в положении «сидя скорчено» составляют представительную серию (шумилихинская группа погребений) на могильниках ранней бронзы Прибайкалья [16. С. 6–9]. На могильнике Шумилиха, в четырех из двадцати восьми погребённых в положении сидя скорчено, инвентарь отсутствовал, в двух зафиксированы пятна охры [16. С. 6].

На территории юга Западной Сибири и сопредельных территориях захоронения в положении «сидя скорчено» единичны, и представлены в основном безынвентарными погребениями [25. С. 22–23], которые были исследованы в процессе раскопок погребальных комплексов средней бронзы [26. С. 94; 23. С. 22–23] или средневековья [27. С. 104]. Часто информация о безынвентарных погребениях скупа и лаконична – «ещё одна могила (Точильное 5) отнесена нами к эпохе средневековья ввиду необычного обряда. Она представляла собой парное сидячее погребение» [27. С. 104].

По некоторым раскопанным в XX веке сидячим скорченными погребениям получены AMS-даты, что привело в ряде случаев к пересмотру сделанных ранее выводов о хронологии, периодизации и культурной принадлежности «сидячих» погребений. Показателен пример погребения № 2 кургана 4 Лабазовского курганного могильника в Приуралье [25. С. 22–23]. Погребение женщины старше 45 лет, захороненной в сидячей позе, было обнаружено в погребённой почве под насыпью кургана срубной культуры, и также отнесено к этой культуре. Выполненные в разных лабораториях AMS-даты показали, что это погребение следует датировать концом VII – началом VI тыс. до н.э. [28. С. 134–135]. С большой долей вероятности к неолиту относится и погребение из курганного могильника Мало-Кизильский II (курган 2/2) на Южном Урале, в котором обнаружены четыре костяка обильно посыпанные охрой в положении сидя в антитезисной ориентировке друг к другу в направлении СВ–ЮЗ [26. С. 94].

Вероятнее всего, концом VII – началом VI тыс. до н.э. следует датировать разрушенное погребение с железом у

с. Пушкинское в лесостепном Волго-Уралье [29. С. 15]. По словам автора находки, «во время рыбалки на обрывистом берегу он увидел в профиль скелет человека, «сидевшего» на корточках с подтянутыми к подбородку ногами» [29. С. 15].

Выводы

Погребение мужчины в положении «сидя скорчено» в могиле № 18 некрополя Фирсово-ХІ является хронологически самым ранним голоценовым захоронением на территории Северной Евразии из изученных на сегодняшний день в данной позе костяка.

Погребения в положении «сидя скорчено» характерны для различных археологических культур от раннего неолита до эпохи бронзы на территории Прибайкалья и сопредельных территориях (Забайкалье, Северной и Восточной Монголии, Верхней Лене, Приольхонье и т.д.). На территории юга Западной Сибири и сопредельных территориях Южного Урала и Южного Приуралья захоронения в положении «сидя скорчено» единичны, и представлены в основном безынвентарными погребениями.

На данном этапе исследования погребение № 18 грунтового могильника Фирсово-ХІ и погребения № 2 кургана 4 Лабазовского курганного могильника датируются VII–VI тыс. до н.э. (некалиброванная дата). К этой хронологической группе погребений скорее всего относятся погребение из курганного могильника Мало-Кизильский II (курган 2/2) и на Южном Урале и разрушенное погребение с железом у с. Пушкинское.

По краниометрическим параметрам антропологический облик погребённого из могилы № 18 могильника Фирсово-ХІ соответствует промежуточному европеоидно-монголоидному типу, характеризующему древнейшее население центральных регионов Северной Евразии. Однако очень большие тотальные размеры черепа из этого погребения выделяют его среди краниологических материалов неолита как данного могильника, так и в целом равнинно-предгорного Алтая.

Подводя итоги отметим, что существует необходимость проведения тщательной ревизии и AMS-датирования безынвентарных погребений в положении «сидя» на территории юга Западной Сибири и сопредельных регионов. Надёжным маркером раннего возраста могил может являться наличие в погребении охры. Но даже отсутствие в погребении следов красителя до проведения AMS-датирования не является основанием для отнесения их к развитой бронзе, раннему железному веку или средневековью. Ещё одним маркером раннего возраста погребений в положении сидя могут являться стратиграфические условия – захоронение в слое погребённой почвы.

Список источников

1. Киришин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 264 с.
2. Киришин К.Ю., Киришин Ю.Ф., Солодовников К.Н., Фролов Я.В., Шмидт А.В. Результаты радиоуглеродного датирования ранних погребений Фирсовского археологического микрорайона (Барнаулское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 3. С. 24–31.
3. Кунгуров А.Л. Два погребения с могильника МГК-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Вып. IV, ч. II. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 220–225.

4. Бородаев В.Б., Кирюшин К.Ю., Кузменкин Д.В., Солодовников К.Н. Украшения из раковин моллюсков рода *Unio* в неолитическом погребении могильника Усть-Алейка-5 (Барнаульское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. № 1 (50). С. 48–56.
5. Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н., Фролов Я.В., Шапетько Е.В., Шмидт А.В. К вопросу об относительной и абсолютной хронологии ранних погребений грунтового могильника Фирсово-XI (Барнаульское Приобье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 20–33.
6. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т. Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2. С. 37–45.
7. Бородаев В.Б., Кирюшин К.Ю., Кузменкин Д.В., Толпеко И.В. Раковина азово-черноморского моллюска *Trytia nitida* в неолитическом погребении ребёнка могильника Усть-Алейка-5 (Барнаульское Приобье) // От Подонья до Памира: вопросы изучения неолита. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 11–12.
8. Солодовников К.Н., Тур С.С. К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья (по материалам могильника Фирсово-XI) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 60–72.
9. Дремов В.А. Измерения черепов и скелетов из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуль (Верхнее Приобье) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск : Наука, 1986. С. 56–73.
10. Чикишева Т.А. Антропологический тип населения северных предгорий Алтая // Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. Приложение 1. Барнаул : Изд-во БЮИ МВД России, 2005. С. 72–83.
11. Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск : Изд-во ТГУ, 1997. 264 с.
12. Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль // Палеоантропология Сибири. М. : Наука, 1980. С. 19–46.
13. Багашев А.Н., Солодовников К.Н. О протоазиатской антропологической формации древнего населения Западной Сибири и её месте в популяционной структуре населения Северной Евразии // Российский журнал физической антропологии. 2024. № 3 (11). С. 70–92. doi: 10.33876/2782-5000/2024-11-3/70-23
14. Хлобыстина М.Д. «Сидячие» погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // Краткие сообщения Института археологии. 1991. № 203. С. 32–38.
15. Королев А.И., Шалапин А.А. Скорченные погребения грунтового могильника Максимовка I эпохи энеолита // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 314–327.
16. Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 84 с.
17. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 264 с.
18. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Погребения на стоянке Караванха // Российская археология. 2001. № 3. С. 55–66.
19. Bosset G., Valentin F. Mesolithic burial practices in the northern half of France: isolated burials and their spatial organization // Mesolithic palae ethnography. Paris, 2013. P. 207–216.
20. Grünberg J., Graetsch H., Heußner K., Schneider K. Analyses of Mesolithic grave goods from upright seated individuals in Central Germany // Mesolithic burials – Rites, symbols and social organisation of early postglacial communities. Halle (Saale), 2013. P. 291–328.
21. Borić D. Happy forgetting? Remembering and dismembering dead bodies at Vlasac // Archaeology and Memory. Oxford, 2010. P. 48–67.
22. Gumin'ski W., Bugajska K. Exception as a rule. Unusual Mesolithic cemetery and other graves at Dudka and Szczepanki, Masuria, NE-Poland // Mesolithic burials – Rites, symbols and social organisation of early postglacial communities. Halle (Saale), 2013. P. 465–510.
23. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов : Саратовский гос. ун-т, 1990. 160 с.
24. Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 248 с.
25. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Кушова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2009. 98 с.
26. Сальников К.В. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXVII. 1951. С. 88–96.
27. Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 99–104.
28. Купцова Л.В., Зарецкая Н.Е., Моргунова Н.Л., Хохлов А.А. Древнейшие погребения в Оренбуржье (о двух захоронениях курганного могильника у с. Лабазы) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2019. № 1. С. 131–139.
29. Моргунова Н.Л. Производство первобытного искусства из погребения у поселка Пушкинского в Оренбургской области // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 2. С. 14–21.

References

1. Kiryushin, Yu.F. (2002) *Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [Eneolithic and Early Bronze Age in the South of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
2. Kiryushin, K.Yu. et al. (2021) Rezul'taty radiouglerodnogo datirovaniya rannikh pogrebeniy Firsovskogo arkhеologicheskogo mikrorayona (Barnaul'skoe Priob'e) [Results of Radiocarbon Dating of Early Burials of the Firsovsky Archaeological Microdistrict (Barnaul Ob Region)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 3 (49). pp. 24–31.
3. Kungurov, A.L. (1993) Dva pogrebeniya s mogil'nika MGK-1 [Two Burials from the MGK-1 Cemetery]. In: *Okhrana i izucheniye kul'turnogo naslediya Altaya* [Protection and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Vol. 4. Part 2. Barnaul: Altai State University. pp. 220–225.
4. Borodaev, V.B. et al. (2022) Ukrasheniya iz rakovin mollyuskov roda Unio v neoliticheskom pogrebenii mogil'nika Ust'-Aleyka-5 (Barnaul'skoe Priob'e) [Ornaments from shells of mollusks of the genus Unio in the Neolithic burial of the Ust-Aleyka-5 cemetery (Barnaul Ob region)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 1 (50). pp. 48–56.
5. Kiryushin, K.Yu. et al. (2021) K voprosu ob otnositel'noy i absolyutnoy khronologii rannikh pogrebeniy gruntovogo mogil'nika Firsovo-XI (Barnaul'skoe Priob'e) [On the issue of relative and absolute chronology of early burials of the Firsovo-XI ground burial ground (Barnaul Ob region)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3 (54). pp. 20–33.
6. Kiryushin, Yu.F. et al. (2011) Rakoviny mollyuskov v pogrebeniyakh mogil'nika Tuzovskie Bugry-1 kak indikator etnokul'turnykh protsessov na territorii Yuzhnoy Sibiri i Sredney Azii [Mollusk shells in burials of the Tuzovskie Bugry-1 burial ground as an indicator of ethnocultural processes in the territory of Southern Siberia and Central Asia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2. pp. 37–45.
7. Borodaev, V.B. et al. (2023) Rakovina azovo-chernomorskogo mollyuska Trytia nitida v neoliticheskom pogrebenii rebenka mogil'nika Ust'-Aleyka-5 (Barnaul'skoe Priob'e) [The shell of the Azov-Black Sea mollusk Trytia nitida in the Neolithic burial of a child from the Ust-Aleyka-5 burial ground (Barnaul Ob region)]. In: *Ot Podon'ya do Pamira: voprosy izucheniya neolita* [From the Don region to the Pamirs: issues in studying the Neolithic]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. pp. 11–12.
8. Solodovnikov, K.N. & Tur, S.S. (2017) K antropologii neoliticheskogo naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya (po materialam mogil'nika Firsovo-XI) [On the anthropology of the Neolithic population of the Barnaul Ob region (based on the materials of the Firsovo-XI burial ground)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3 (38). pp. 60–72.
9. Dremov, V.A. (1986) Izmereniya cherepov i skeletov iz neoliticheskikh mogil'nikov Ust'-Isha i Itkul' (Verkhnee Priob'e) [Measurements of skulls and skeletons from the Neolithic burial grounds of Ust-Isha and Itkul' (Upper Ob region)]. In: *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniya Sovetskoy Azii* [Problems of Anthropology of the Ancient and Modern Population of Soviet Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 56–73.

10. Chikisheva, T.A. (2005) Antropologicheskii tip naseleniya severnykh predgoriy Altaya [Anthropological type of the population of the northern foothills of Altai]. In: Kungurova, N.Yu. (ed.) *Mogil'nik Solontsy-5: Kul'tura pogrebennykh neolita Altaya. Prilozhenie 1* [The Solontsy-5 Burial Ground: The culture of the buried Neolithic of Altai. Appendix 1]. Barnaul: Izd-vo BYuI MVD Rossii. pp. 72–83.
11. Dremov, V.A. (1997) *Naselenie Verkhnego Priob'ya v epokhu bronzы: (Antropologicheskii ocherk)* [The population of the Upper Ob region in the Bronze Age: (Anthropological essay)]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Dremov, V.A. (1980) Antropologicheskie materialy iz mogil'nikov Ust-Isha i Itkul' [Anthropological materials from the Ust-Isha and Itkul' burial grounds]. In: *Paleoantropologiya Sibiri* [Paleoanthropology of Siberia]. Moscow: Nauka. pp. 19–46.
13. Bagashev, A.N. & Solodovnikov, K.N. (2024) O protoaziatskoy antropologicheskoy formatsii drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri i ee meste v populyatsionnoy strukture naseleniya Severnoy Evrazii [On the Proto-Asian anthropological formation of the ancient population of Western Siberia and its place in the population structure of Northern Eurasia]. *Rossiyskiy zhurnal fizicheskoy antropologii*. 3 (11). pp. 70–92. doi: 10.33876/2782-5000/2024-11-3/70-23
14. Khlobystina, M.D. (1991) «Sidyachie» pogrebeniya kul'tur Severnoy Evrazii epokhi neolita i bronzы ["Sitting" burials of the cultures of Northern Eurasia of the Neolithic and Bronze Ages]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 203. pp. 32–38.
15. Korolev, A.I. & Shalapin, A.A. (2023) Skorchennye pogrebeniya gruntovogo mogil'nika Maksimovka I epokhi eneolita [Crouched burials of the Maksimovka ground burial ground of the Eneolithic I era]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey*. 1. pp. 314–327.
16. Goryunova, O.I. (2002) *Drevnie mogil'niki Priбайkal'ya (neolit – bronzovyy vek)* [Ancient Burial Grounds of the Baikal Region (Neolithic – Bronze Age)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
17. Bryusov, A.Ya. (1952) *Ocherki po istorii plemen evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu* [Essays on the History of the Tribes of the European Part of the USSR in the Neolithic Era]. Moscow: USSR AS.
18. Utkin, A.V. & Kostyleva, E.L. (2001) Pogrebeniya na stoyanke Karavaikha [Burials at the Karavaikha site]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 3. pp. 55–66.
19. Bosset, G. & Valentin, F. (2013) Mesolithic burial practices in the northern half of France: isolated burials and their spatial organization. In: *Mesolithic Paleography*. Paris: Société préhistorique française. pp. 207–216.
20. Grünberg, J. et al. (2013) Analyses of Mesolithic grave goods from upright seated individuals in Central Germany. In: *Mesolithic Burials – Rites, symbols and social organisation of early postglacial communities*. Halle (Saale): [s.n.]. pp. 291–328.
21. Borić, D. (2010) Happy forgetting? Remembering and dismembering dead bodies at Vlasac. In: *Archaeology and Memory*. Oxford: Oxbow Books. pp. 48–67.
22. Gumin'ski, W. & Bugajska, K. (2013) Exception as a rule. Unusual Mesolithic cemetery and other graves at Dudka and Szczepanki, Masuria, NE-Poland. In: *Mesolithic Burials – Rites, symbols and social organisation of early postglacial communities*. Halle (Saale): [s.n.]. pp. 465–510.
23. Agapov, S.A., Vasil'ev, I.B. & Pestrikova, V.I. (1990) *Khvalynskiy eneoliticheskii mogil'nik* [Khvalynsk Eneolithic Burial Ground]. Saratov: Saratov State University.
24. Lbova, L.V., Zhambaltarova, E.D. & Konev, V.P. (2008) *Pogrebal'nye komplekсы neolita – rannego bronzovogo veka Zabaykal'ya (formirovaniye arkhetyпов pervobytnoy kul'tury)* [Burial Complexes of the Neolithic – Early Bronze Age in Transbaikalia (Formation of archetypes of primitive culture)]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.
25. Morgunova, N.L. et al. (2009) *Labazovskiy kurgannyi mogil'nik srubnoy kul'tury* [Labazovsky Burial Mound of the Timber-Frame Culture]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University.
26. Sal'nikov, K.V. (1951) Arkheologicheskie issledovaniya v Kurganskoy i Chelyabinskoy oblastiakh [Archaeological research in Kurgan and Chelyabinsk Oblasts]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 27. pp. 88–96.
27. Abdulganeev, M.T. & Shamshin, A.B. (1990) Avariynye raspokpi u s. Tochil'noe [Emergency excavations near the village of Tochil'noe]. In: *Okhrana i ispol'zovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya* [Protection and Use of Archaeological Monuments of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 99–104.
28. Kuptsova, L.V. et al. (2019) Drevneyshie pogrebeniya v Orenburzh'e (o dvukh zakhoroneniyaх kurgannogo mogil'nika u s. Labazy) [The most ancient burials in the Orenburg region (about two burials of the burial mound near the village of Labazy)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*. 1. pp. 131–139.
29. Morgunova, N.L. (2020) Proizvedeniye pervobytnogo iskusstva iz pogrebeniya u poselka Pushkinskogo v Orenburgskoy oblasti [A work of primitive art from a burial near the village of Pushkinsky in Orenburg Oblast]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2 (48). pp. 14–21.

Информация об авторах:

Киришин К.Ю. – канд. ист. наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса туризма и гостеприимства Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3122-1423

Киришин Ю.Ф. – д-р ист. наук, почётный профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5474-3502

Солодовников К.Н. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Тюмень, Россия). E-mail: solodk@list.ru; ORCID: 0000-0003-0925-7219

Шмидт А.В. – канд. ист. наук, зав. отделом археологии Музея природы и человека (Ханты-Мансийск, Россия). E-mail: tison172@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0321-9214

Фролов Я.В. – канд. ист. наук, директор Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: frolov_jar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7259-2840

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.Yu. Kiryushin, Cand. Sci. (History), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3122-1423

Yu.F. Kiryushin, Dr. Sci. (History), Emeritus Professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5474-3502

K.N. Solodovnikov, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: solodk@list.ru; ORCID: 0000-0003-0925-7219

A.V. Schmidt, Cand. Sci. (History), head of the Archeology Department, Museum of Nature and Man (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: tison172@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0321-9214

Ya.V. Frolov, Cand. Sci. (History), director of the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: frolov_jar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7259-2840

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024;
одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 27.09.2024;
approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.